УДК 94(470.47)

ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ КАЛМЫЦКИМ НАРОДОМ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX вв.

Константин Николаевич Максимов

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, Российская Федерация

E-mail: tsagadam@mail.ru

А н н о т а ц и я

В условиях перехода Российского самодержавия к абсолютизму Калмыцкое ханство в первой четверти XVIII в. вводится в единоуправляемую систему России, постепенно вносятся изменения в его правовой статус. В результате проведенных реформ в первой половине XVIII в. Калмыцкое ханство утратило политический статус автономии и приобрело черты административной автономии, правовой статус его правителя изменился во взаимоотношениях с императором до прямого холопства.

После откочевки значительной части калмыков в провинцию Синьцзян КНР оставшиеся улусы были введены в состав Астраханской губернии на правах уезда и подчинены ее администрации. В результате административно-политических реформ в начале XIX в. Калмыкия была возведена в статус внутренней области с элементами субъекта государства в составе Астраханской губернии во главе с наместником, затем главным приставом, назначаемых императором. Эти реформы соответствовали, как общегосударственным, так и в определенной степени интересам калмыцкого народа.

К л ю ч е в ы е с л о в а

Российская империя, Калмыкия, указы, реформы, административное управление, Астраханская губерния, статус, уезд, внутренняя область, главный пристав.

UDC 94(470.47)

ORGANIZATION OF MANAGEMENT OF THE KALMYK PEOPLE AT THE END XVIII-FIRST QUARTER OF XIX CENTURY

Konstantin N. Maximov

Dr. Sc. (History), Professor, Chief Research Associate

Kalmyk Scientific Center of the RAS, Elista, Russian Federation

E-mail: tsagadam@mail.ru

Annotation

In the context of the transition of the Russian autocracy to absolutism, Kalmyk Khanate was introduced into the unified system of Russia in the first quarter of the 18th century, and changes in its legal status are gradually being made. As a result of the reforms carried out in the first half of the 18th century, Kalmyk Khanate lost its political status of autonomy and acquired the features of administrative autonomy, the legal status of its ruler changed in relations with the emperor to direct servants. After the migration of a large part of the Kalmyks to the province of Xinjiang of China, the remaining ulus were introduced into the Astrakhan province on the rights of the county and subordinated to its administration. As a result of administrative and political reforms in the early 19th century Kalmykia was elevated to the status of an internal region with elements of the subject of the state within the Astrakhan province led by the governor, then the chief usher appointed by the emperor. These reforms corresponded to both the national interests and, to a certain extent, the interests of the Kalmyk people.

Keywords

Russian Empire, Kalmykia, decrees, reforms, administrative management, Astrakhan province, status, county, internal region, chief police-officer

ВВЕДЕНИЕ

Изучение государственных институтов России в их историческом развитии представляется достаточно актуальным, о чем свидетельствуют множество статей, вышедших в последнее время по данной проблематике. Большое внимание исследователи уделяют, в частности, органам власти ее субъектов, их функционированию в современный период. Однако прошлый дореволюционный опыт государственных и правовых институтов Калмыкии (одного из субъектов РФ), является малоизученным. И если он рассматривался, то лишь фрагментарно: при анализе политики царского правительства, административно-территориального деления и социальной структуры Калмыцкой степи, ее политических отношений с сопредельными народами. Между тем полноценное исследование опыта национально-государственного строительства Калмыкии в дооктябрьский период может иметь, на наш взгляд, практическое значение для выявления основных тенденций развития и перспектив федеративных отношений в современной России, взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти.

Предметом исследования в данной статье является система органов государственной власти и управления Калмыкии в составе России в XVIII-XIX вв. Главная цель – проанализировать процесс образования и развития административных, местных управленческих структур, судебной власти Калмыкии. Их создание и становление, безусловно, во многом зависело от политической воли и административных шагов российского правительства, способности калмыцких предводителей воспринять и реализовать в своих улусах новые управленческие новации, предложенные царской властью. Поэтому в статье особое внимание уделяется изучению структуры, механизмов административного управления Калмыкией со стороны российской администрации. Следовательно, основной задачей статьи является воссоздание системы управления калмыцким народом в XVIII-XIX вв., основываясь на прочном фундаменте конкретных фактов из истории степного региона. Как нам представляется, специальное изучение институтов управления Калмыкией позволяет проследить, каким образом происходил процесс реформации и интеграции местных властных институтов в общероссийскую систему управления, рассмотреть в целом государственную политику Российской империи по отношению к калмыкам в дооктябрьский период.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Основной источниковой базой статьи явились материалы нормативного, правового характера, опубликованные в документальных сборниках, и новые архивные источники. Документы правового и общего характера отражают политику царской администрации, направленную на поэтапное реформирование системы управления калмыцким народом, введение калмыков в единоуправляемую систему власти и общее экономическое пространство Российской империи, привлечение этноса к военному сотрудничеству. Эти документы позволяют выявить правовой статус Калмыкии в составе Российской империи, который в конце XIX в. значительно

снизились, и местные органы управления стали полностью подчиняться центральной власти. Кроме того, в выявленных нами архивных документах имеются ценные сведения об истории калмыков в России, о причинах миграции в 1771 г. части калмыцкого народа в Джунгарию, экономическом, культурном и хозяйственном развитии степного региона.

При исследовании темы были использованы историко-системные методы, а также методы познания, опирающиеся на принципы историзма, объективности и всестороннего подхода. Методы источниковедческого и компаративного анализа широко применялись при использовании исторических источников официального и личного происхождения.

ОБСУЖДЕНИЕ

Калмыки (ойраты), как известно, появились на территории России в конце XVI в. Исторические документы свидетельствуют о наличии собственных интересов, как со стороны российских властей, так и со стороны владельцев калмыцких улусов, в вопросах установления и налаживания торгово-экономических отношений, межгосударственного и военного сотрудничества. Царская администрация напрямую и через своих представителей на местах хотела привлечь калмыков к военному партнерству с целью обезопасить свои южные границы, добиться принятия ими российского подданства, постепенно включая «пришельцев с Востока» под общеимперскую юрисдикцию, в общую систему российского государства. Калмыцкие предводители были согласны на установление политических отношений с российским правительством на принципах сюзеренитета-вассалитета, были готовы признать верховное право российского царя по отношению к ним с целью получения права на беспрепятственное пользование кочевыми угодьями, находившимися под российским протекторатом, свободную торговлю на местных рынках, обеспечение гарантированной защиты со стороны России от посягательств на этнос недружественных народов и племен. И той и другой стороне удалось в определенной степени добиться поставленных задач и желанных целей. Не углубляясь в историю вопроса, скажем, что Калмыкия, войдя в состав Российского государства, была «конституирована» как этнополитическое образование в форме феодального ханства в статусе фактически политической автономии. Калмыки сохранили на территории своих кочевий местное национальное устройство, собственную систему власти и управления, организованные применительно к кочевому образу жизни и соответствовавшие уровню экономического и культурного развития народа. Государственные органы России до определенного времени старались не вмешиваться во внутренние дела калмыков. Эту характерную особенность взаимоотношений царской власти с калмыцким народом отметил еще российский исследователь Ф. Бюлер: «правительство почти не входило в их внутреннее управление, которое предоставлялось то хану, то наместнику ханства, словом – их народному начальнику, и с ним уже вело переговоры-сношения скорее дипломатические, чем властелинские» (Бюлер, 1846: 14). Такое положение вещей сохранялось практически до середины 20-х гг. XVIII в., когда после смерти хана Аюки пришедший ему на смену новоиспеченный хан стал считаться наместником

российского царя, что свидетельствовало о целенаправленном и решительном стремлении российских властей включить калмыков в общероссийскую систему управления. Данный процесс особенно усилился после ухода значительной части калмыков в Джунгарию в 1771 г. и ликвидации Калмыцкого ханства, что ознаменовалось для оставшейся части населения кочевого народа потерей элементов политической автономии. Об изменившемся статусе и характере пребывания калмыков в составе Российского государства после ликвидации Калмыцкого ханства писали многие дореволюционные исследователи. Так, М. Новолетов характеризовал его как «полное подчинение пришельцев (калмыков) государственному строю» (1884). Об этом же писал уже цитированный нами выше Ф. Бюлер: «Весь период от прихода калмыков в Россию до этого события (ухода калмыков в 1771 г. – К.М.) резко отличается от времен последующих характером отношений этого народа к русскому правительству» (Бюлер, 1846). Если говорить в целом об изучении рассматриваемой нами проблемы, дореволюционные отечественные исследователи практически не касались вопросов интеграции Калмыкии в общественно-экономическую систему и в общую единоуправляемую властную структуру Российской империи. Их несомненная заслуга заключается в том, что они внесли существенный вклад в процесс накопления и сохранения исторического материала о социально-экономическом, культурном развитии Калмыкии в послеякуковский период.

В советский и современный периоды наблюдается усиление внимания исследователей к изучению вопросов включения калмыков в общую систему государственного управления Российской империи в XVIII-XIX вв. Так, Л.С. Бурчинова подробно исследовала и охарактеризовала сложившуюся попечительскую систему управления калмыками (1985). Отдельных вопросов, проблем, сюжетов деятельности системы управления калмыцким народом, истории взаимоотношений местных властных структур с центральными и губернскими органами власти в рассматриваемый период касались в своих работах калмыцкие историки (У.Э. Эрдниев, А.И. Карагодин, Ю.О. Оглаев, А.Н. Команджаев, И.В. Лиджиева, Л.В. Оконова, М.С. Горяев, В.Т. Тепкеев, В.В. Батыров, О.Н. Абеева и др.). Тем не менее, исследуемая в статье проблематика, на наш взгляд, еще недостаточно изучена и требует дальнейшего углубленного исследования, что, безусловно, поможет выявить особенности и закономерности генезиса Калмыкии в составе России.

РЕЗУЛЬТАТЫ

С изменением в начале XVIII в. правового статуса Калмыцкого ханства и его правителя, характер взаимоотношений которого не только с центральной властью, но и с военным командованием стал трансформироваться: на смену принципов военно-политического союза, сюзеренитета-вассалитета пришел принцип прямого холопства. В сложившейся к середине XVIII в. административно-политической обстановке и в условиях ухудшения территориального и экономического положения Калмыцкого ханства в составе единого государства основная часть национальной элиты во главе с наместником ханства Убаши приняла окончательное решение покинуть границы России. После того как в 1771 г. значительная часть калмыцкого населения двинулась «в пределы прежнего Отечества» и достигла Джунгарии

(провинции Китая), императрица России Екатерина II указом от 19 октября того же года как свершившийся факт узаконила ликвидацию Калмыцкого ханства и его учреждений, высших должностных званий. Оставшиеся калмыцкие улусы были введены в состав Астраханской губернии на правах уездов во главе со своими владельцами (нойонами), по своему статусу фактически приравненными к дворянскому сословию. Административное управление улусами стали осуществлять приставы, назначаемые губернатором. Общее управление калмыцкими делами возлагалось на специальную структурную часть канцелярии астраханского губернатора – экспедицию калмыцких дел (исполнительная власть), при которой был учрежден судебный орган (судебная власть) – Зарго (сословный суд по типу верхнего земского суда) в составе трех зайсангов. Управление калмыцким народом строилось по типу абсолютной модели и осуществлялось единым структурным подразделением с исполнительными и судебными функциями под надзором государственного органа. Зарго осуществлял в целом судопроизводство в соответствии с нормами «Великого Уложения» 1640 г., законами Дондук-Даши 1758 г. и древними калмыцкими обычаями, тогда как судопроизводство по уголовным делам между калмыками и населением соседних регионов велось судебным органом на основании уголовного права России.

Царская администрация после завершения русско-турецкой войны (1768–1774 гг.) и подавления крестьянского восстания под предводительством Е.И. Пугачева провела повсеместную реформу местного управления и суда в России. В соответствии с манифестом Екатерины II «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», обнародованным 7 ноября 1775 г., были разукрупнены губернии. Эту территориальную единицу возглавлял назначаемый императрицей губернатор, наделенный административными и полицейскими полномочиями, а общее управление осуществлялось с помощью коллегиального органа – губернского правления. По императорскому манифесту, на основе двух и более губерний создавалось наместничество во главе с наместником (генерал-губернатором). Наместник был главой местной администрации, он осуществлял надзор за аппаратом управления и суда, а исполнительным органом являлось наместническое правление.

В мае 1785 г. в соответствии с принципами царской реформы было образовано Кавказское наместничество, в состав которого вошли Кавказская и Астраханская губернии вместе с территорией калмыков, кочевавших на левобережной стороне Волги, получившей неофициальное название «Калмыкия». Для управления делами Калмыкии в 1786 г. распоряжением исполнявшего обязанности наместника П.С. Потемкина, астраханского военного губернатора, была учреждена Калмыцкая войсковая канцелярия, в функции которой входили административно-полицейские, финансово-хозяйственные вопросы и организация военной службы в соответствии с новым законом (1784 г.) о всеобщей воинской повинности. В том же году в Калмыкии в рамках объявленной судебной реформы в Российском государстве был упразднен Зарго и его функции переданы астраханским уездным судам, являвшимся сословными (дворянскими) судами первой инстанции. Калмыцкая войсковая канцелярия в 1788 г. в связи с изъятием у нее полномочий по организации военной службы, а также откочевкой дербетовцев (4881 кибитка) на Дон была преобразована в Калмыцкую канцелярию и подчинена астраханскому губернскому правлению (Пальмов, 2007).

С упразднением в 1796 г. Кавказского наместничества Астраханская губерния, в состав которой вошла территория Кавказа, выделялась в самостоятельную административно-территориальную единицу со своим административным управлением. В астраханской губернской администрации в 1797 г. вместо Калмыцкой канцелярии было образовано Калмыцкое правление, аналогичное структурным подразделениям по управлению кавказским населением губернии.

После разделения дербетовцев на рубеже XVIII и XIX вв. на две части – Больших Дербетов (в 1793 г. 4881 кибитка под управлением Екрема Хапчукова, родственника владельца дербетовцев Ценден-Дорджи; в 1800 г. всего 609 кибиток – владелец Габун-Шарап, младший брат Екрема Хапчукова) и Малых Дербетов (в 1793 г. 687 кибиток под управлением Бабула, сына владельца дербетовцев Ценден-Дорджи; в 1800 г. 3302 кибитки – владелец Чучей Тундутов, сын Тундута, брата Ценден-Дорджи) – император Павел I высказывал намерение определить их статус в качестве самостоятельных административно-территориальных единиц в соответствии с принципами децентрализации по «Учреждению». Однако после встречи с представителями дербетовцев во главе с Чучеем Тундутовым, правителем Малодербетовского улуса, и Сойбинг-бакшой российский император, придавая большое значение организации по территориальному принципу централизованного управления малочисленным калмыцким народом во главе с административным чиновником – наместником, назначаемым императором, принял решение создать административно-территориальную единицу в статусе областного самоуправления во главе с наместником и учредить при нем коллегиальный орган управления с исполнительными и судебными функциями – Совет при наместнике (Зарго) в составе 8 человек (светских и духовных лиц) и представителя российской центральной власти с правом решающего голоса в органе управления. Был издан нормативный документ от 14 октября 1800 г. – Всемилоостивейшая грамота императора Павла I «О восстановлении на прежнем основании Совета, именуемого Зарго, для судебного разбирательства калмыков». В тот же день Павел I подписал еще Жалованную грамоту «О свободном отправлении всех духовных обрядов калмыков». Главой калмыцкого духовенства – ламой – был утвержден Сойбинг-бакша, основной обязанностью которого являлось “по духовным обстоятельствам соблюдать и держать в должном Нам, Великому государю, верном и усердном подданстве...” (ПСЗ РИ I, т. 26. № 19599: 340; № 19600: 341).

Наместник в Калмыкии, назначаемый из представителей местной знати с соблюдением норм наследственного права на владение и управление улусом, наделялся знаком символической административной власти – знаменем. В данном случае недопустимо смешивать, на наш взгляд, понятия “наследственное право на владение” и “династическое наследственное право». Дело в том, что назначенный Павлом I 14 октября 1800 г. наместником калмыцкого народа Чучей Тундутов представлял родословную нойонов Малодербетовского улуса, т. е. являлся наследственным владельцем улуса и не имел никаких династических связей с правителями Калмыцкого ханства (Митиров, 1998). Потому он, как наследственный владелец улуса, завещал своему сыну Эрдени-тайши Тундутову в наследство “Малой и Большой Дербет”, а не управление всем калмыцким народом и всеми улусами.

Павел I, определив территориальные границы Калмыкии, сформировал систему управления административно-территориальной единицей – внутренней областью в статусе особой губернии по «Учреждению для управления губерний Всероссийской империи». Он учредил в ней высшую административную должность (наместник), создал коллегиальный и судебный органы, назначил высшее духовное лицо на правах государственного чиновника. Однако введение должностного звания “наместник” не означало полное восстановление государственности калмыков. Историк М. Гиляшаева, восприняв учреждение должностного звания “наместник”, являвшегося только временным кандидатом на высшую должность – хана (в прежнем его значении периода Калмыцкого ханства), а также не разобравшись в сути областного самоуправления, введенного Павлом I в соответствии с губернской реформой, ошибочно полагает, что была восстановлена национальная государственность калмыцкого народа (Гиляшаева, 2006). Исследователь в вопросе реформы управления начала XIX в. фактически повторила ошибочное мнение, высказанное в первой части научного издания «Очерки истории Калмыцкой АССР» (Очерки, 1967). Тем более в последующие годы статус Калмыкии законодательно был приравнен к внутренней области в составе Астраханской губернии во главе с Главным приставом. Институт приставов в России, как известно, был введен в 1782 г. в соответствии с губернской реформой. Должность Главного пристава “при всем калмыцком народе” с помощниками (частными приставами по улусам) была введена Александром I именными указами от 26 октября 1801 г. «Об утверждении прав и преимуществ, калмыцкому народу, присвоенных» и «О восстановлении всех сношений по делам сего народа в прежнем их порядке, правам ему данным сообразном и от ентешних начальств, кроме от Коллегии, независимом». Она была учреждена в Коллегии иностранных дел и при астраханском военном губернаторе. Ее учреждение существенно ограничило правовой статус Калмыкии. В принятых указах императора в системе исполнительных органов Калмыкии должность наместника не предусматривалась, хотя Чучей Тундутов (умер в 1803 г.) в это время еще числился наместником. Главный пристав, наделенный высоким рангом государственного чиновника, являлся представителем центральной власти – Коллегии иностранных дел (в это время в России функционировали только три коллегии, в том числе иностранных дел. – К.М.), высшим должностным лицом в администрации управления Калмыкии.

26 октября 1803 г. Александр I в условиях активно проводимого общегосударственного курса на укрепление самодержавия с целью усиления надзора за местными властями, а также оптимизации управления издал именной указ «О подчинении Главного пристава при калмыцком народе и Суда их Зарго астраханскому военному губернатору». В указе отмечалось: “... чтобы Главный пристав, при них находящийся, и Суд их, именуемый Зарго, оставаясь по-прежнему в ведомстве Государственной Коллегии иностранных дел, были подчинены, по близости их кочевья, астраханскому военному губернатору”. Данный указ не предусматривал в системе органов управления должности наместника в Калмыкии, тем самым фактически окончательно упразднял эту должность. Указ принципиально изменил и статус улусовладельцев. Они, пройдя утверждение императором в этом качестве, превращались в государственных чиновников уездного звена.

Постепенно стала падать и роль Зарго в административном управлении: сохранялись лишь его ограниченные функции по гражданским делам как судебного органа. Крупные гражданские дела, а также уголовные дела, в соответствии с российским законодательством, решались в уездных, верхних земских судах, в астраханской губернской судебной палате.

В начале XIX в. царская администрация в целях организованного территориального размещения кочевых народов и удобства управления ими приступила к упорядочению их землеустройства, в том числе и калмыков. В соответствии с «Положением об отводе земель калмыкам и другим народам, кочующим в губерниях Астраханской, Кавказской и Саратовской», утвержденным 19 мая 1806 г. Александром I, был принят императорский именной указ «О назначении земель калмыкам и другим кочующим народам в губерниях Астраханской и Кавказской» (ПСЗ РИ I, Т. 29. № 22135). В приложенной к нему генеральной карте четко были обозначены территория и границы кочевий калмыков. Большедербетовскому улусу выделялись земли за Манычем, по Калаусу, до самого Большого Егорлыка. В указе регламентировался порядок проведения сезонных кочевий, определялись места для прогона калмыцкого скота к водопою, к Волге. В соответствии с данным законом калмыкам была отведена территория поселка Калмыцкий Базар, впоследствии практически ставшего административным центром Калмыкии.

Поиски путей совершенствования управления, определения правового положения и места Калмыкии в российском государстве, форм и механизмов взаимоотношения Калмыкии с центральными и соседними губернскими властями затянулись еще почти на два десятилетия. Затяжка по времени произошла в основном по причинам общего характера: на рубеже XVIII и XIX вв. абсолютная монархия в России стремилась приспособить все звенья (центральные и местные) государственного аппарата к происходившим изменениям в общественно-экономическом строе страны. В комплекс принимаемых царской администрацией мер входила и проводившаяся в 1820-х гг. реформа всех звеньев управления инородцами, в том числе и калмыками.

Центральные власти, завершив в 1822 г. реформу управления в Сибири, с 1825 г. приступили к дальнейшему реформированию системы управления в Калмыкии. Согласно «Правилам для управления калмыцкого народа», утвержденным высочайшим указом Александра I от 10 марта 1825 г., Калмыкия была возведена в статус субъекта России, но приравненного к внутренней области (административно-территориальная единица введена в 1822 г. – К.М.) в составе Астраханской губернии. В административном отношении Калмыцкая область была подчинена Министерству внутренних дел России. Высшим должностным лицом Калмыцкой области являлся Главный пристав, назначаемый МВД по представлению Главноуправляющего Кавказским краем. Главный пристав Калмыкии по вертикали подчинялся МВД, по горизонтали – Главноуправляющему Кавказским краем (по вопросам обеспечения общественного порядка, военным делам, соблюдению и исполнению законов) и астраханскому губернатору (по гражданским делам).

В соответствии с Правилами 1825 г. областным исполнительно-распорядительным органом, имевшим и полномочия суда высшей инстанции по гражданским делам, являлась Комиссия калмыцких дел, возглавляемая астраханским губернатором.

В состав Комиссии входили вице-губернатор, Главный пристав, губернский прокурор Астраханской губернии, а также по одному представителю от владельцев улусов и калмыцкого дворянства, которые делегировались выборным путем.

Правила 1825 г., разделив суды на гражданский и духовный, функции окружного судебного органа по гражданским делам возложили на Суд Зарго – общесословный судебный орган (по характеру полномочий). Он формировался в количестве 8 членов (два от духовенства, шесть от владельцев и зайсангов – по числу улусов), которые избирались в улусах сроком на три года и утверждались в должности члена суда Комиссией калмыцких дел. Зарго выступал по отношению к нижестоящим судам (улусным) высшей апелляционной инстанцией. Дела по уголовным преступлениям, виды которых были определены Правилами 1825 г., подлежали рассмотрению в соответствующих губернских судах на основе российских законов.

В соответствии с Правилами 1825 г. в улусах создавались административные (улусные управления) и судебные органы. В состав Улусного управления в обязательном порядке входил частный пристав. Во владельческом улусе Управление возглавлял владелец, в казенном – правитель. Ведению улусного суда подлежали дела, сумма иска которых не превышала 200 руб., а также по проступкам, преступлениям, воровству, тяжёлые дела по мелким вопросам и т. д. (ПСЗ РИ I, Т. 40. № 30290).

В Правилах 1825 г. было упущено низовое звено управления Калмыкии – аймачное, где наиболее ярко представлен спектр общественных отношений. От участия в управлении внутренними делами степного края были отстранены простолюдины, так как они не рассматривались в качестве субъекта права. В Правилах должное отражение также не получили социальная структура и правовой статус калмыцкого общества.

Все же главная цель реформы 20-х гг. XIX в. – “введение калмыков постепенным образом в состав гражданского управления” страны – была достигнута. Калмыкия вписалась в единую систему административно-территориального устройства страны в статусе внутренней области Астраханской губернии. Правила 1825 г., учитывая национальные особенности коренного населения степного региона и единую цель российской реформы (централизация управления), определили правовое положение Калмыкии как относительно самостоятельного субъекта с системой организации управления, областных и местных учреждений, компетенция и полномочия которых были производны не только от центральных органов власти, но и от губернских (гражданских), Кавказской области (военных). Подчинив Калмыцкую область МВД и крупному территориальному военному ведомству (Главноуправляющему Кавказским краем), царская администрация фактически ввела в ней военно-административную форму правления. Отметим также, что Правила 1825 г., заложив наряду с обычно действовавшим законодательством основы новой правовой системы (административного, гражданского, уголовного, процессуального) Калмыкии, установили систему судебных органов, которые, располагая ограниченными полномочиями, некоторыми национальными традиционными особенностями при судопроизводстве, вписывались в российское единое законодательное, судебное пространство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, Калмыкия после откочевки значительной части населения в Джунгарию впервые подверглась крупной административной реформе. В результате система управления региона была введена в общегосударственное правовое поле, единую систему территориального и административного управления, отвечающие как общегосударственным интересам, так и в определенной степени интересам калмыцкого народа. Царская администрация, завершив первый этап управленческой реформы, в последующем поставила очередную задачу. Высочайшим указом Александра I от 9 марта 1825 г. Комиссии калмыцких дел предписывалось проанализировать действующее калмыцкое законодательство и совместно с владельцами улусов, представителями духовенства выработать новые законоположения, которые соответствовали бы реальному положению Калмыкии, историческому времени, российским законам. Основная цель указа состояла в том, чтобы ввести местное (национальное) законодательство в единое правовое пространство страны. Комиссии предстояло провести подготовительную работу по введению калмыцкого населения в общие российские сословия. Для этого намечалось составить родословные книги нойонов, владельцев, зайсангов, духовенства, провести перепись кибиток по улусам. Для проведения очередного этапа реформ необходимо было выяснить социальный уровень развития калмыцкого общества, общественно-политическую обстановку в Калмыкии. Перед Комиссией ставилась важная социально и политически значимая проблема – изучить вопросы взаимоотношений владельцев, зайсангов, простолюдинов с духовенством и уровень влияния духовенства на них, а также степень зависимости простолюдинов от своих владельцев и их взаимоотношения. На следующем этапе реформирования предстояло определить правовой статус Калмыкии, осуществить дальнейшую интеграцию региона в общероссийскую политическую, социальную и правовую систему.

Литература

Бурчинова, Л.С. (1985). Калмыкия в системе государственного управления России. *Добровольное вхождение калмыцкого народа в состав России: исторические корни и значение*. Элиста: КГУ, 48-56.

Бюлер, Ф.А. (1846). Иностранцы Астраханской губернии. *Отечественные записки*. Отд. 2. Т. 47-49.

Гиляшаева, М.Н. (2006). К истории восстановления национальной государственности калмыцкого народа. *Восстановление национальной государственности репрессированных народов России и перспективы их развития на современном этапе*. Материалы Российской научно-практической конференции (12–13 января 2007 г.). Элиста: КГУ, 95–98.

Митиров, А.Г. (1998). *Ойраты – калмыки: века и поколения*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.

Новолетов, М. (1884). *Калмыки*. Исторический очерк. СПб.: Тип. В. Демакова.

Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. (1967). М.: Наука.

Пальмов, Н.Н. (2007). *Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.

Полное собрание законов Российской империи: [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.] (1830). СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

ПСЗ РИ I. (1800-1801). Т. 26. № 19599; № 19600.

ПСЗ РИ I. (1806-1807). Т. 29. № 22135.

ПСЗ РИ I. (1825). Т. 40. № 30290.

References

A complete set of laws of the Russian Empire (PSZ of the Russian Empire), Vol. 26, no. 19599; no. 19600. (in Russian).

Buhler, F.A. (1846). Foreigners of the Astrakhan province. *Domestic notes*. 2, 47-49. (in Russian).

Burchinova, L.S. (1985). Kalmykia in the system of public administration of Russia. *Voluntary entry of the Kalmyk people into Russia: historical roots and significance*. Elista, 48–56. (in Russian).

Essays on the history of the Kalmyk ASSR. The pre-October period (1967). M. (in Russian).

Gilyashaeva, M.N. (2006). On the history of the restoration of the national statehood of the Kalmyk people. *Restoration of the national statehood of the repressed peoples of Russia and the prospects for their development at the present stage*. Materials of the Russian scientific-practical conference (January 12–13, 2007). Elista, 95–98. (in Russian).

Mitirov, A.G. (1998). *Oirats-Kalmyks: centuries and generations*. Elista. (in Russian).

Novoletov, M. (1884). *Kalmyks. Historical background*. SPb. (in Russian).

Palmov, N.N. (2007). *Materials on the history of the Kalmyk people during their stay within Russia*. Elista. (in Russian).

PSZ RI I (1800-1801). Vol. 26. No. 19599; No. 19600. (in Russian).

PSZ RI I (1806-1807). Vol. 29. No. 22135. (in Russian).

PSZ RI I (1825). Vol. 40. No. 30290. (in Russian).